

УДК 32+321.7+316.647.82(04Б)

ПОСПЕЛОВА Ольга Вячеславовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 39 научных публикаций, в т. ч. двух монографий и 4 учебно-методических пособий

ИНТЕРСЕКЦИОННЫЙ ПОДХОД В СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Статья посвящена философско-методологическим вопросам современной социальной и политической теории. Автор обращается к интерсекционному анализу, помогающему осмыслить феномен множественной и пересекающейся дискриминации. Основное внимание уделяется трем стратификационным категориям – расе, классу и гендеру, их интеллектуальной истории и значению для современных общественных наук. Артикуляция этих категорий требует пересмотра традиционных определений политического, а также более вдумчивого анализа функционирования социальных, политических и экономических институтов.

В статье обсуждаются проблемы, перед которыми оказываются общественные науки в попытках ответить на вызовы современной демократии. Дискриминационные практики, встраиваясь в механизмы либеральных демократий и адаптируясь к риторике прав человека, зачастую оказываются трудноуловимыми или вовсе невидимыми для исследователей, работающих в рамках теоретического «мэйнстрима» своих дисциплин. Потребность в новых методологиях обусловлена тем, что формы и механизмы дискриминации исторически изменчивы, и, следовательно, претендующая на адекватность критическая теория должна постоянно вырабатывать новые аналитические инструменты и теоретические опции.

Ключевые слова: *интерсекционный анализ («теория пересечений»), раса, класс, гендер, демократия, дискриминация, миросистемный анализ.*

Подход, к которому мы обращаемся в рамках данной статьи, в англоязычной традиции получил название «интерсекционного» или «перекрестного» анализа (*intersectionality*)¹.

Он является закономерным продуктом развития тех методологических установок и тенденций, которые были заложены в феминистских и других критических теориях прошлого века

¹ Термин был введен в оборот в 1989 году юристом Кимберли Крэншоу (Kimberlé Crenshaw) и с тех пор активно используется феминистскими теоретиками для того, чтобы показать многомерный и системный характер опрессии. На русский язык иногда переводится как «теория пересечений».

и привели к возникновению гендерных и пост-колониальных исследований. Ключевым тезисом этого подхода является утверждение о том, что раса, гендер и класс – это не разделенные и изолированные области нашего опыта. Напротив, они существуют через противоречия и конфликтные отношения друг к другу, оказываясь, таким образом, впаянными в клубок неустрашимых взаимозависимостей [12, р. 80]. Кимберли Крэншоу использовала идею интерсекциональности для того, чтобы создать адекватный инструмент для анализа опыта цветных женщин. Таким образом, изначально она делала акцент именно на пересечении гендера и расы. В то же время она признавала, что иные параметры, такие как сексуальность и класс, также оказывают немаловажное влияние на конструирование субъекта и условий, определяющих ее/его жизненный опыт. Ее сосредоточенность именно на пересечении расы и гендера должна была лишь подчеркнуть необходимость «принимать во внимание множественные основания идентичности, когда рассматривается, как сконструирован социальный мир» [11, р. 95]. В данной статье я предлагаю сосредоточиться на анализе категорий класса, расы и гендера, их интеллектуальной судьбе в российском академическом дискурсе, а также на вопросе о том, как изменяется наше понимание политики, если мы принимаем во внимание интерсекционный подход.

Современные общественные науки во многом находятся в плену у классических «либеральных дуализмов» эпохи модерна, разводящих в качестве автономных реальностей политику и экономику, государство и (гражданское) общество. Однако политические институты, сформированные и функционирующие в рамках национального государства, не являются нейтральными ни в расовом, ни в классовом, ни в гендерном отношении. То же самое можно отнести и к самому государству. Требование подобной нейтральности является одним из ключевых пунктов либеральной идеологии, однако оно оказывается скорее идеализированной нормой, нежели констатацией положения дел *de facto*. Есть основания полагать, что многие проблемы,

с которыми сталкивается на практике современная демократия, имеют своей причиной эту либеральную иллюзию нейтральности. Расовая, гендерная и классовая нейтральность политических институтов, как и идеальная коммуникативная ситуация по Ю. Хабермасу, есть некий утопический проект, задающий общий горизонт демократических преобразований. И ничто так не мешает их реализации, как отказ видеть этот деонтологический разрыв, несоответствие действительного положения вещей постулируемому идеалу. Причем необходимо, чтобы этот разрыв был не только «увиден», «подмечен», но и осмыслен, а для этого необходим теоретический фрейм, некая методология, включающая в себя адекватный заявленной проблеме терминологический аппарат. Без этого сложно представить себе конструктивную коммуникацию между экспертами, государственными чиновниками и широкой общественностью, чьи проблемы первые должны фиксировать, а вторые – решать. Вопросы, о которых пойдет речь ниже, многие отнесут скорее к предметному полю социальной теории, нежели политических наук. Однако в конечном счете все они упираются в проблему прав человека – несущий конструкт любого современного демократического общества. Права человека, как отметил Майкл Буравой, «это поле боя, на котором социальные группы отстаивают свои интересы» [4, с. 168].

Разумеется, обращение к расе / нации / этничности, классу и гендеру как категориям политического анализа предполагает переопределение самой дефиниции «политического». Т.А. Алексеева выделила три принципиальных на данный момент подхода к определению политики: политика как управление, политика как авторитетное распределение ресурсов и политика как публичная деятельность [1]. Последний подход выглядит наиболее широким. Однако ни одно из этих определений не в состоянии удерживать в поле своего внимания взаимодействия расы, класса и гендера. Более того, гендер, а во многих случаях и раса, не рассматривается здесь как релевантная для анализа политической реальности категория.

Всякий раз, когда политику понимают как публичное обсуждение общезначимых вопросов с целью достигнуть умиротворяющего консенсуса, следует поставить перед собой по крайней мере два вопроса. Кто принимает решение по поводу того, какие темы заслуживают публичного обсуждения и, таким образом, наделяются статусом «общезначимых вопросов», а какие – нет? И кто имеет возможность принимать участие в публичных дебатах, чей голос будет услышан? Поскольку дихотомия частного и публичного является гендерно маркированной, то женщины автоматически оказываются в позиции маргиналов на политической арене. Сфера публичного селективна: одно она признает релевантным, достойным выслушивания и разглядывания, а другое – признанное нерелевантным – автоматически причисляет к частному [2, с. 73]. Женский опыт во многом связан именно с этой сферой человеческого бытия, однако замкнутое в границах частного обречено на молчание. Именно поэтому артикулирование категории гендера и признание ее важным аналитическим инструментом в политической теории требует пересмотра отношений между политикой, с одной стороны, и границей между частным и публичным – с другой. В 1970 году Кейт Миллет назвала политическим любой тип властных отношений, позволяющий одной группе людей контролировать другую группу [13], а Кэрол Ханиш выдвинула тезис «личное есть политическое», ставший визитной карточкой феминистской политической теории.

Нам необходим взгляд на политику как на сложное рассеченное поле человеческих действий, внутренние и внешние границы которого постоянно переопределяются. Политика – это конфигурация специфического пространства, расчленение особой сферы опыта, объектов, полагаемых в качестве всеобщих и подотчетных общему решению, субъектов, признаваемых способными обозначить эти объекты и приво-

дить по их поводу доводы [8, с. 65]. Подлинную материю политики предопределяет внутренняя противоречивость институционального и идеологического производства [3, с. 18].

В современном мире распространение демократической риторики «прав человека» не приводит, вопреки ожиданиям, к искоренению дискриминации. Напротив, дискриминационные практики адаптируются к данной риторике, создавая новые, не всегда видимые с первого взгляда формы. И. Валлерстайн определяет эту ситуацию как главное идеологическое противоречие капитализма. «То, что мы имеем сегодня, – пишет Валлерстайн, – это система, функционирующая благодаря напряженной связи между строго отмеренной дозой универсализма, с одной стороны, и сексизмом, связанным с расизмом, – с другой» [3, с. 46]. Сочетание универсализма и меритократии создает удачную основу для легитимации существующей системы со стороны среднего класса, а сексизм и расизм позволяют «структурировать» рабочую силу. Эта система отношений до сих пор обладала относительной устойчивостью, но баланс, лежащий в ее основе, оказывается очень хрупким и начинает рушиться, как только «различные общественные группы делают слишком большой упор либо на универсалистскую, либо на сексистско-расистскую логику» [3, с. 46]. В принципе, такая система выглядит обреченной, ведь лежащие в ее основе установки взаимно исключают друг друга. К схожим выводам приходит и Рансьер, когда в статье «Использование демократии» обнаруживает, как демократическая риторика и эгалитаристские обещания маскируют механизмы по воспроизводству классового неравенства [7].

Метанарративы модерна, а точнее, Просвещения, к которым в определенном смысле можно отнести и универсализм, не раз подвергались критике за их имплицитную противоречивость². Еще М. Хоркхаймер и Т. Адорно заметили, что фундаментальные идеи Просве-

² Следует оговориться, что автор не считает универсалистские тенденции исключительно порождением европейского модерна. Данные тенденции можно обнаружить и в других культурно-исторических ситуациях (например, космополитические идеи эллинистической эпохи). Однако автор согласен с Валлерстайном и другими, кто считает, что данные тенденции оказались востребованы идеологией, легитимирующей экономику капиталистического мира.

щения – такие как эмансипация, прогресс – несут в себе некую апорию, приводящую к их самодеструкции. И если «просвещающее мышление» «не выбирает рефлексию этого возвратного момента в себя, оно выносит самому себе приговор» [10, с. 11]. Противоречивость универсалистских претензий Нового времени, по крайней мере, в их политическом преломлении, заключается в том, что они с самого начала базировались на эксклюзии. Риторическая ширма универсализма скрывала за собой реальное исключение определенных социальных групп из числа тех, кто считался легитимным обладателем «естественных прав» разумного субъекта. В важнейших политических документах конца XVIII века, получивших признание благодаря таким событиям, как Великая французская революция и обретение Америкой независимости, *de facto* отсутствует даже подобие упоминания о правах цветного населения или женщин. Позднее, конечно, эти и другие группы были включены в универсалистскую доктрину. Но это включение, будучи результатом длительной политической борьбы, не уничтожило, а лишь трансформировало их маргинальный статус. Более того, такое включение скорее сыграло на руку тем, кто получает выгоду от существующего неравенства, ибо сделало субординацию невидимой. Оно дало возможность привилегированным группам наслаждаться своим положением, не утруждая себя рефлексией по поводу справедливости сложившегося положения вещей. Американский социолог Майкл Киммел замечает по поводу тех особенностей, которые связаны с функционированием неравенства в демократических обществах, что «сами процессы “раздачи” привилегий определенным группам людей чаще всего остаются невидимыми именно для тех, кому эти привилегии пожалованы» [5, с. 20]. Мы замечаем нечто, когда оно делает нас безвластным и маргинальным. Бытие же во власти претендует на то, чтобы считаться

универсальным. Только белым людям в нашем обществе, пишет Киммел, дана роскошь не думать о расе каждую минуту своей жизни. И только у мужчин есть роскошь претендовать на то, что гендер не имеет значения.

Итак, современный мир сталкивается с рядом серьезных проблем, которые так или иначе можно обозначить термином «дискриминация». Россия здесь не является исключением, скорее, наоборот: наша действительность преподносит ряд прямо-таки парадигмальных примеров ущемления прав личности на основании различных признаков – от наличия инвалидности до альтернативной сексуальной ориентации. При этом ни государственные чиновники, ни журналисты не склонны рассматривать эти факты с точки зрения дискриминации. Данный термин вообще пользуется особой нелюбовью в отечественной политической риторике. Исключением в последнее время становится дискриминация на основании «национальной (этнической)» принадлежности или вероисповедания. Речь даже может идти о чересчур пристальном внимании к этно-культурным и конфессиональным границам на фоне полного отсутствия интереса к существованию иных социальных групп, чьи права нарушаются на основании совершенно других стратификационных параметров. Данная ситуация – случай, требующий особого анализа³. Так, российское общество не признает существование «проблемы инвалидов» или гендерной сегрегации рынка труда. То есть соответствующие реалии существуют и даже хорошо известны, но в них не видят ничего проблемного. Закрепившаяся в последние лет десять риторика, совмещающая неолиберальные и романтико-консервативные ценности и установки в некий неизбежно противоречивый, но удобный в обращении идейный комплекс, позволяет апеллировать то к «свободному выбору индивидов», то к «традиции», то к (неустрашимым) «различиям» для натурализации неравенства,

³ Детальный анализ повышенной чувствительности (на уровне риторики) нашего общества к этно-культурным границам дан в сборнике работ В. Малахова [6].

превращения его в «естественное» и «само собой разумеющееся» явление, ничем не мешающее функционированию нашего особого типа российской «демократии».

Если обратиться к трем базовым стратификационным категориям, порождающим наиболее распространенные и массовые практики дискриминации – раса (этничность), класс и гендер, то степень чувствительности к ним у российского общества разная. Первая категория, представленная в ее более «цивилизованных» и «политкорректных» формах как «этничность» или «национальная принадлежность», оказывается, как было замечено выше, сверхпопулярной. Что, однако, вовсе не означает повышенной чувствительности к актам дискриминации лиц, чья этническая принадлежность фиксируется как «нерусская». Напротив, разговоры о полиэтничности, многонациональности, всегда связываемые тут же с многоконфессиональностью, ведут к нормализации дискриминационных практик как неизбежного следствия якобы неустранимых культурных различий. Как отмечает Владимир Малахов, в российском публичном дискурсе, включая академический, прочно утвердился методологический этноцентризм [6, с. 50], который опирается на весьма эссенциалистские представления об этничности и культурных различиях. Однако тенденция трактовать социальные и экономические проблемы в терминах этничности и культуры – явление повсеместное, определяемое исследователями как «новый расизм»⁴.

Что касается категории класса, то ее судьба в отечественном научном и общественном дискурсе неоднозначна. С одной стороны, она хорошо знакома в силу многолетнего господства марксистско-ленинской парадигмы во всех общественных науках. С другой стороны, эта методологическая монополия явилась причиной сильной идиосинкразии к категории марксистского анализа как такового, центральной из которых и будет экономический класс. Действи-

тельно, советский вариант марксизма утратил свой эвристический потенциал, превратив диалектический метод в новую схоластику и в то, что Сартр вслед за Лукачем определил как «волюнтаристический идеализм» [9, с. 31]. Весьма обидная дефиниция для тех, кто мнил себя материалистами, ищущими объективные законы развития общества! Критика монополии марксистско-ленинской методологии привела, однако, к тому, что искать экономические корни социальных и политических проблем считается чуть ли не *mauvais ton*. Разумеется, категории марксистского анализа переживают кризис не только в нашей науке. Так, Э. Балибар, иронизируя по поводу методологических расхождений с позицией И. Валлерстайна, заявляет, что два «марксиста», какими бы они ни были, оказываются неспособны придать единый смысл любому понятию [3, с. 21]. Однако печальная особенность отечественной науки состоит в том, что отвержение той или иной методологии или терминологического аппарата опирается зачастую не на обстоятельный анализ их аналитической ограниченности, а на иррациональное (и не проясняемое) неприятие лежащей в их основании теории.

Еще меньше симпатий у нас выпадает на долю следующей категории – гендера. Я не беру в расчет специалистов, сознательно сделавших выбор в пользу гендерной парадигмы. Речь идет об академическом мейнстриме, в котором данный термин присутствует разве что в виде экзотики. Если понятия «нация», «этнос», «класс» считаются вполне легитимными категориями политологического анализа, то с гендером все обстоит иначе. Этот термин соглашаются терпеть в психологии, экономике, и социологии, однако в рамках политической науки на него смотрят в лучшем случае как на статистическую и демографическую категорию. Такое убеждение является следствием либерального мифа о гендерной нейтральности государства и его институтов. Если учесть,

⁴ Речь идет о трансформации в современном мире расистской риторики из «биологизаторской» в «культуроцентристскую», о чем пишут и П.-А. Тагиефф, и В. Малахов.

что во времена становления и расцвета либеральной мысли женщины были лишены как политических, так и гражданских прав, а потому не имели возможности присутствовать в публичном политическом пространстве как социальная группа, то причины такого мифа станут вполне понятны. Другими причинами являются аморфность и дезинтегрированность российского женского движения, а также общественное равнодушие к проблемам дискриминации по признаку пола.

Этот краткий обзор никоим образом не исчерпывает суть вопроса. Следует помнить, что категории расы, этничности, нации, класса и гендера имеют разные интеллектуальные истории, и их вхождение в арсенал академической науки (а также исключение из него, как это имеет место в отношении расы) вряд ли можно подвести под единую схему. Кроме того, каждая из этих категорий далеко не однозначна и поддается различным (подчас взаимоисключающим) интерпретациям в зависимости от того, какого теоретико-методологического подхода мы будем придерживаться. Все это, разумеется, в значительной мере затрудняет использование этих категорий в рамках единой методологии. Тем не менее стоит отметить одну общую черту, выступающую своеобразным центром смыслового притяжения для расы, класса и гендера – они отсылают к определенным практикам структурного насилия. При анализе конкретных случаев можно обнаружить поразительные параллели в этих дискриминационных практиках. Наиболее легко поддающаяся выделению черта – это родственность терминов, при помощи которых происходит символическая девальвация: дистанцирование от рациональности, монополизированная доминирующая группа, сближение с природным и даже животным бытием. Кроме того, исторический обзор борьбы против сексизма, расизма и экономической эксплуатации показывает, что имеющие опыт дискриминации только по одному из признаков склонны игнорировать дискриминацию по остальным. Так, в истории рабочего движения можно встретить факты воспроизведения дискриминации по признаку пола и расовой принадлежности; в истории борьбы с расизмом –

дискриминацию по признаку пола; в истории феминистского движения – дискриминацию женщин-рабочих и цветных женщин. Во всех случаях доминирующая группа (черные мужчины, белые мужчины-рабочие, белые женщины среднего класса) воспроизводит описанный Майклом Киммелем опыт «бытия во власти», претендующего на всеобщность, и слепоту в отношении той характеристики, которая им это бытие обеспечивает. Все эти примеры ставят перед нами по крайней мере два вопроса. Во-первых, как анализировать опыт людей, подвергающихся дискриминации сразу по нескольким параметрам? Во-вторых, являются ли эти виды дискриминации лишь внешне подобными или же они вписаны в общий порядок и управляются единой логикой?

Теоретик миросистемного анализа И. Валлерстайн дает на второй вопрос положительный ответ. По его мнению, то, что позиции расизма и сексизма в современном мире не ослабевают ни практически, ни идеологически, имеет в своей основе классовую подоплеку. Расизм и сексизм в равной мере служат поддержанию меритократической системы – весьма хрупкого в политическом плане образования. «В то время как наследственные привилегии, освещенные верой в разумность и неизбежность существующего миропорядка, были хотя бы отчасти приемлемы для угнетенных, создавая иллюзию общественной стабильности и определенности, мысль о том, что кто-то должен пользоваться привилегиями просто в силу того, что он умнее или лучше образован, гораздо менее переносима» [3, с. 43]. Расизм и сексизм, вплетаясь в отношения экономической эксплуатации и конструирования классов, формируют современную систему иерархий и дискриминации, которая вступает в парадоксальные, но обусловленные внутренней логикой современной политики, отношения с универсалистскими дискурсами прав человека [3, с. 19]. Это серьезный вызов общественным наукам, и учет таких одновременно разнородных и взаимодействующих параметров, как класс, раса и гендер, позволил бы выработать более чувствительные к противоречиям современного мира концепции.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Познание и сущность политического // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2005. Т. 36. № 1. С. 144–170.
2. Арендт Х. VITA ACTIVA, или О деятельной жизни. СПб., 2000. 437 с.
3. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2004. 288 с.
4. Буравой М. Публичная социология versus рынок // Общественная роль социологии. М., 2008. 176 с.
5. Киммел М. Гендерное общество. М., 2006. 464 с.
6. Малахов В. Понаехали тут... : очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М., 2007. 200 с.
7. Рансьер Ж. Использование демократии // Рансьер Ж. На краю политического. М., 2006. С. 65–99.
8. Рансьер Ж. Разделяя чувственное. СПб., 2007. 264 с.
9. Сартр Ж.-П. Проблемы метода. М., 2008. 222 с.
10. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб., 1997. 271 с.
11. Crenshaw K. W. Mapping the Margins. Intersectionality, Identity Politics and Violence against Women of Color // The Public Nature of Private Violence: The Discovery of Domestic Abuse / eds. M. Fineman, R. Mykitiuk. N. Y., 1994. P. 93–118.
12. McClintock A. Imperial Leather: Race, Gender, and Sexuality in the Colonial Contest. N. Y., 1995. 464 p.
13. Millett K. Sexual Politics. N. Y., 1970. 397 p.

References

1. Alekseeva T.A. Poznanie i sushchnost' politicheskogo [Cognition and Essence of the Political]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*. 2005, vol. 36, no. 1, pp. 144–170.
2. Arendt H. *Vita activa oder Vom tätigen Leben*. Stuttgart, 1960 (Russ. ed.: Arendt Kh. *VITA ACTIVA ili O deyatel'noy zhizni*. St. Petersburg, 2000. 437 p.).
3. Balibar E., Wallerstein I. *Race, nation, classe. Les identités ambiguës*. Paris, 1997 (Russ. ed.: Balibar E., Vallerstayn I. *Rasa, natsiya, klass. Dvumyslennyye identichnosti*. Moscow, 2004. 288 p.).
4. Buravoy M. Publichnaya sotsiologiya versus rynok [Public Sociology versus Market]. *Obshchestvennaya rol' sotsiologii* [The Social Role of Sociology]. Moscow, 2008. 176 p.
5. Kimmel M. *The Gender Society*. New York, 2000 (Russ. ed.: Kimmel M. *Gendernoe obshchestvo*. Moscow, 2006. 464 p.).
6. Malakhov V. *Ponaekhali tut... : ocherki o natsionalizme, rasizme i kul'turnom plyuralizme* [They're Overrunning Our Country. Essays on Nationalism, Racism and Cultural Pluralism]. Moscow, 2007. 200 p.
7. Rancière J. *Aux bords du politique*. Osiris, 1990 (Russ. ed.: Rans'er Zh. *Ispol'zovanie demokratii. Na krayu politicheskogo*. Moscow, 2006, pp. 65–99).
8. Rancière J. *Le Partage du sensible*. La Fabrique, 2000 (Russ. ed.: Rans'er Zh. *Razdeleyaya chuvstvennoe*. St. Petersburg, 2007. 264 p.).
9. Sartre J.-P. *Questions de méthode*. Paris, 1957 (Russ. ed.: Sartr Zh.-P. *Problemy metoda*. Moscow, 2008. 222 p.).
10. Horkheimer M., Adorno T. *Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente*. Frankfurt am Main, 1969 (Russ. ed.: Khorkkhaiymer M., Adorno T. *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty*. Moscow, St. Petersburg, 1997. 271 p.).
11. Crenshaw K.W. Mapping the Margins. Intersectionality, Identity Politics and Violence Against Women of Color. *The Public Nature of Private Violence: The Discovery of Domestic Abuse*. New York, 1994, pp. 93–118.
12. McClintock A. *Imperial Leather: Race, Gender, and Sexuality in the Colonial Contest*. New York, 1995. 464 p.
13. Millett K. *Sexual Politics*. New York, 1970. 397 p.

Pospelova Olga Vyacheslavovna

Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

INTERSECTIONALITY APPROACH IN SOCIAL AND POLITICAL THEORY

The paper is devoted to philosophical and methodological issues in contemporary social and political theory. The author turns to intersectionality, which has not yet become a widespread approach in the Russian academic community. This approach helps us recognize and comprehend the phenomenon of multiple and intersecting discrimination. The primary focus is on three stratification categories: “race”, “class” and “gender” as well as on their intellectual history and importance for contemporary social and political studies. Articulation of these categories requires a revision of traditional definitions of “politics” and “political” as well as a more detailed analysis of social, political and economic institutions.

The paper outlines the problems that social sciences are faced with when trying to respond to challenges of contemporary democracy. Discriminatory practices have been adapted for human rights rhetoric and built into the mechanisms of liberal democracy, thus becoming subtle and even invisible for researchers working in the frame of theoretical mainstream of their disciplines. New methodologies are required due to the fact that forms and mechanisms of discrimination are historically changeable. Consequently, a critical theory claiming to be adequate should constantly develop new analytical instruments and theoretical options.

Keywords: *intersectionality, race, class, gender, democracy, discrimination, world-systems analysis.*

Контактная информация:

адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2;
e-mail: polga74@gmail.com

Рецензент – *Попков Ю.В.*, доктор философских наук, профессор, заместитель директора по научной работе института философии и права Сибирского отделения РАН